

В. В. МАРТЫНОВ

ПУШКИН В ОЦЕНКЕ ПРОГРЕССИВНОЙ ПОЛЬСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ 20—40-х годов XIX века

Пушкин воплощает в себе лучшие черты великого русского народа — его светлый оптимизм, революционный пафос и энергию, глубокую любовь к родине. Поэтому трудно преувеличить значение популяризации творчества поэта среди широких масс братских славянских народов. Особенно актуально с этой точки зрения изучение творчества поэта в Польше, где буржуазные националисты в свое время столь яростно развивали чувство неприязни ко всему русскому. Пушкин помогает нам преодолеть чувство взаимного недоверия, помогает укрепить дружбу между обоими народами, выдержавшую испытание огнем в суровые дни Великой Отечественной войны, помогает, наконец, освободить польское искусство и культуру от влияния буржуазного Запада, к которому всегда испытывали такую тягу наиболее реакционные представители польской шляхты и буржуазии.

В своем докладе на торжественном заседании в Варшаве в честь 150-летия со дня рождения Пушкина Стефан Жулкевский, видный критик, возглавляющий в настоящее время польское марксистское литературоведение, сказал: «Связанный с героической политической поэзией декабристов романтизм Пушкина помогает нам лучше понять, оценить также и наши великие романтические традиции. Творчество Пушкина как бы бросает свет на то, что в нашем романтизме было существенным, важным, творческим, новым, служащим будущему, на все богатство прогрессивного содержания поэзии Мицкевича и Словацкого. Понимание романтизма, которое мы выработали в себе, изучая реакционные и мисти-

ческие традиции западной романтики, не может быть правильным и не помогает нам понять полностью Мицкевича»¹.

Для лучших сынов польского народа Пушкин еще при своей жизни становится воплощением передовой русской культуры и революционной мысли. С годами популярность Пушкина в Польше растет и приобретает поистине всенародное значение. Польское пушкиноведение обогащается все новыми и новыми работами, а по числу переводов из Пушкина, как установил известный польский пушкиновед Мариан Топоровский, польская литература опередила все другие.

Дружба между русским и польским народами, скрепленная успехами народной Польши в социалистическом и культурном строительстве, имеет свою давнюю историю. Она рождалась и крепла в условиях тягчайшего национального гнета, в условиях жестоких национально-освободительных войн.

После окончания войны против Наполеона в Польше и России сложилась совершенно своеобразная внутривнутриполитическая обстановка. Александр I, стремившийся привлечь на свою сторону имущие классы Королевства Польского (крестьяне и городская беднота по-прежнему оставались лишенными политических прав), начал с того, что в 1815 году в Вене подписал проект польской конституции, одной из самых либеральных для своего времени в Европе. Тем самым было положено основание неустранимым политическим противоречиям между конституционным королевством и абсолютной монархией. Польша могла пойти по пути либо дальнейшей демократизации, либо полного подчинения царизму. Созданное положение не могло быть долговечным. Мелкая шляхта и буржуазия отстаивали конституцию, стремясь к ее дальнейшей демократизации, магнаты, в руках которых была сосредоточена административная власть в стране, поддерживали политику царского наместника в Варшаве, вынашивая в то же время планы включения в состав королевства литовских, белорусских и украинских земель.

А между тем именно на этих землях, тяготевших в экономическом и культурном отношении к России, росли и крепки новые демократические силы. В Вильно, который становится центром демократического и культурного движения, возникают союзы филломатов и филаретов, поддерживавшие, как полагают современные польские исследователи, связь с петербургскими тайными обществами. Здесь же начинает свою деятельность знаменитый польский революционный деятель и ученый Йоахим Лелевель. Представители Национального патриотического общества, организованного Валерианом Лукасинским, ведут в Киеве переговоры с деяте-

¹ St. Żółkiewski. Puszkina a my. Warszawa, 1949, str. 10.
Польская графика по техническим причинам не сохранена.

лями русского дворянского революционного движения. В переговорах участвует также выдающийся польский революционер, впоследствии друг Герцена, Станислав Ворцель.

В Литве, Белоруссии, на Украине рождается новая польская литература, польский революционный романтизм. Лучшие представители которого навсегда остаются чуждыми узконационалистическому мировоззрению варшавских литературных салонов. Поэты польского революционного романтизма воспитываются на образцах украинского и белорусского фольклора (Мицкевич, Словацкий, Гоцинский и др.), испытывают на себе благотворное влияние русской литературы. К этому же времени относится деятельность таких энтузиастов, собирателей украинского фольклора и исследователей русской старины, как Доленга-Ходаковский, Вацлав Залесский, Жегота Паули.

Поэтому нет ничего удивительного, что первые шаги Пушкина на поэтическом поприще сразу же нашли свой отклик в Польше. Первый перевод из Пушкина («Его стихов пленительная сладость...») относится к 1823 году и принадлежит перу знаменитого филолога и одного из самых передовых ученых Польши Самуэля Богумила Линде. Наиболее ранние переводы из Пушкина печатались в журнале «Dziennik Wileński», что подтверждает тесные связи Вильно с очагами русской культуры.

Первое сообщение о Пушкине мы находим в письме юриста Винцента Пелчинского одному из основателей союза филоматов Юзефу Ежовскому. Письмо относится к 1820 году. Пелчинский, который, вероятно, был посредником между филоматами и петербургскими тайными обществами, пишет, что в Петербурге объявился новый талант, которому только 19 лет, но который уже является автором замечательных поэтических произведений. В заключение Пелчинский сообщает, что за некоторые вольности (какие именно, из письма понять нельзя) поэт выслан на персидскую границу. Письмо Пелчинского², несмотря на многочисленные отступления от фактов, удачно характеризует отношение к молодому Пушкину прогрессивной польской общественности.

Глубоко осознанную оценку значения Пушкина впервые мы находим в стихотворении Густава Олизара «Пушкину» (1821). Поэт пишет: «Искра гения твоего может сравниться со светом солнца; примени на деле ее творческий дух — будет также светить без конца. Если первый плавит лед и реки освобождает от оков, второй — возрождает народ...»³.

Особенно интересны последующие три строфы, которые со-

---

² См. Archiwum Filomatów. Część I. Korespondencja 1815—1823, t. 3. Kraków, 1913.

³ Литературный архив, т. I. М.—Л., 1938, стр. 143.

держат ясно выраженный призыв к политическому содружеству русского и польского народов.

«Пушкин! Ты так молод, а твоя отчизна так велика. Слава, награда, надежда ждут тебя. Возьми лиру и пой мужественным голосом, не мне тебе указывать о чем (разрядка наша. — В. М.). Не смейся лишь над разбитыми судьбой, ибо потомки этот стих вытрут. Когда же дойдешь до вершины славы, когда она станет столь же великой, как и страна твоя, знай, что в лесах между скалами стонет сарматский поэт»⁴.

Первая критическая статья о Пушкине принадлежит перу галицкого литератора, автора многочисленных исторических повестей, Станислава Яшовского⁵. В качестве основного достоинства великого поэта в статье отмечается самобытность его дарования. Автор сообщает, что Пушкин издал три поэмы, являющиеся украшением русской литературы, замечая при этом, что произведения поэта чрезвычайно оригинальны по форме и содержанию.

Критик Михаил Грабовский, один из первых переводчиков Пушкина на польский язык, в письме от 9 декабря 1825 года известному поэту Юзефу Богдану Залесскому пишет: «Не буду отягчать такую легкую простую поэзию комментариями, которые, может быть, только исказили бы это создание природы. Знаю, что она и без них должна нравиться»⁶.

Из письма Залесского от 22 февраля 1827 года другу Мицкевича поэту и переводчику Эдуарду Антонию Одынцу мы узнаем, что Залесский действительно живо заинтересовался творчеством Пушкина.

Важными для пушкиноведения являются также записки и письма двух друзей Мицкевича — Одынца и Францишка Малевского. И если «Письма из путешествия» Одынца часто не заслуживают полного доверия, так как он пишет с чужих слов, со слов «очевидца», то совершенно иного отношения заслуживают письма Малевского. Лаконично и просто он воспроизводит слышанное из уст Пушкина и Мицкевича. Записки Малевского позволили польскому литературоведению выснить смысл пушкинского фрагмента «В еврейской хижине» как начала поэмы о Вечном жиде и установить примерную дату написания.

Однако главным ценителем и популяризатором творчества Пушкина в польской литературе был Адам Мицкевич⁷. Пять

⁴ Литературный архив, т. I. М.—Л., 1938, стр. 144.

⁵ См. Rozmaitosci, Dodatek do Gazety Lwowskiej, 1824, nr. 49.

⁶ Michala Grabowskiego listy literackie. Kraków, 1934, str. 450.

⁷ Творческие и личные взаимоотношения Пушкина и Мицкевича, несмотря на значительное количество литературы, посвященной данной теме, должны явиться предметом особого исследования. В небольшой статье не представляется возможным охарактеризовать эти взаимоотношения. Нет надобности также останавливаться на общеизвестных фактах русского периода биографии Мицкевича.

лет провел Мицкевич в России, глубоко изучив за это время русскую историю и литературу. Первое, что бросилось в глаза поэту по приезде в Россию, — это чрезвычайно оживленная литературная жизнь. В этом отношении Петербург и Москва были как бы полной противоположностью Варшаве. «Мы отстали в литературе на целое столетие», — писал Мицкевич Одынцу.

В марте 1827 года в письме к Одынцу Мицкевич охарактеризовал Пушкина как замечательного художника и тонкого ценителя искусства. Особенно восторженно он отозвался о трагедии «Борис Годунов», которую слушал в исполнении автора. Впечатление от чтения «Бориса Годунова» осталось у Мицкевича на всю жизнь. Впоследствии, в своих лекциях по славянским литературам, он назвал «Бориса Годунова» в числе трех величайших драм славянства.

Самуэль Фишман, автор книги «Мицкевич в России», построенной на московских и ленинградских архивных материалах, установил, что рецензия на перевод стихов Дмитриева и «Бахчисарайского фонтана» Пушкина, помещенная в «Московском телеграфе» за 1827 год, принадлежит перу Мицкевича. Таким образом, удалось отыскать еще одно из ранних высказываний Мицкевича о Пушкине. В рецензии Мицкевич дает высокую оценку художественным достоинствам «Бахчисарайского фонтана», называя поэму одной из прекраснейших в новой русской литературе. Предисловие переводчика «Бахчисарайского фонтана», питомца Виленского университета, историка и литературоведа Адама Рогальского не представляет никакой научной ценности. Тем не менее оно характеризует то поистине магическое воздействие, которое могла оказывать поэзия Пушкина.

В ноябре 1830 года началось восстание в Польше. Поводом к восстанию был слух о том, что для подавления французской революции Николай I намерен послать в Европу польские войска. Несмотря на то, что восстание носило заговорщический характер, в нем приняло участие значительное число горожан Варшавы: рабочих, ремесленников, мелких торговцев. Однако «во главе» восстания были поставлены люди, которые еще вчера с благословения царя управляли Польшей. Несмотря на усилия радикальных элементов, руководители восстания не выработали никакой политической и социальной программы, а это привело к тому, что крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения, не приняло в нем участия.

Об этом восстании Ф. Энгельс писал следующее: «Восстание 1830 года не было ни национальной революцией (оно исключало три четверти Польши), ни социальной, ни политической революцией; оно ничего не изменяло во внутреннем положении народа. Это была консервативная революция»⁸.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, стр. 265.

Несмотря на героические усилия лучших представителей шляхты и мелкой буржуазии, восстание потерпело поражение в результате классового эгоизма магнатства и реакционной шляхты.

В 1831 году Пушкин написал стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», идейное содержание которых впоследствии подверглось националистической фальсификации с целью доказать антипольские настроения поэта. Даже виднейший польский пушкиновед Вацлав Ледницкий писал, что «европеизм Пушкина» не выдержал испытания⁹. В действительности концепция обоих стихотворений совершенно ясна. Оба теснейшим образом связаны с героикой Отечественной войны против армии Наполеона. Великий русский поэт предупреждает буржуазные правительства западных держав о губительных последствиях любой агрессии против русского народа. Косвенным образом здесь разбиваются надежды польской эмигрантской партии аристократов на вмешательство европейских кабинетов в русско-польские отношения.

Ложное толкование стихотворений «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» привело также к глубоким искажениям в толковании идейной и художественной взаимосвязи фрагментов третьей части «Дзядов» (1832) с «Медным всадником» (1833). Вокруг последнего вопроса разгорелась ожесточенная полемика, в которой приняли участие виднейшие польские и русские литературоведы (В. Спасович, Ю. Третьяк, И. Хжановский, А. Брюкнер, В. Брюсов и др.). Причины разной оценки исторической роли Петра Пушкиным и Мицкевичем сдвигались в национальной принадлежности обоих поэтов (Спасович), другие усматривали в этом столкновение «европейского индивидуализма» с «азиатской идеей государства» (Третьяк). В действительности же у Мицкевича, в противоположность Пушкину, вовсе отсутствует оценка исторической роли Петра, который для него является лишь художественным воплощением тиранической мощи самодержавия, страстными противниками которого были оба великих поэта.

О том, как трудно изжить всякого рода неправильные толкования взаимоотношений Пушкина и Мицкевича, можно судить из биографии Мицкевича, написанной Генриком Шипером. Ее автор, стоящий, несомненно, на демократических позициях, вновь повторяет давно опровергнутое положение о том, что стихотворение «Русским друзьям» в своей обвинительной части было направлено против Пушкина¹⁰.

Выпады националистов не поколебали славной дружбы двух национальных поэтов. Советские пушкинисты Цявловский,

⁹ См. W. Lednicki. Aleksander Puszkín. Studia. Kraków, 1926.

¹⁰ H. Szyper. Adam Mickiewicz, poeta i człowiek czynu. Warszawa, 1950, str. 132, 133.

Благой и др. любовно собрали весь доступный им материал, и мы сейчас располагаем цельной картиной взаимоотношений Пушкина и Мицкевича.

Прекрасную иллюстрацию оценки роли Пушкина революционными демократическими представителями польской общности дает речь Лелевеля в Брюсселе (1834), посвященная памяти декабристов. Лелевель рассказывает о Пушкине как о вдохновителе русских революционеров.

Весть о смерти Пушкина произвела большое впечатление на передовые круги польского общества. Дружба Пушкина и Мицкевича еще при жизни обоих поэтов была окружена ореолом легенды, поэтому нет ничего удивительного, что после смерти Пушкина в Польше и в эмиграции распространился слух о том, что Мицкевич в качестве «законного мстителя» намерен вызвать на дуэль убийцу своего русского собрата. Ряд польских журналов поместил некрологи. В 1837 году появился сонет Станислава Яшовского «Пушкин». По своим мотивам он переключается со стихотворением Густава Олизара, но особый интерес представляют последние строки: «Читает тебя салонный панок из Петрограда, читает купец, ведущий караваны из Китая, башкир, вооруженный луком, и крепкий татарин. Читает тебя в грустной хижине у подножья скал камчадал, одетый в собольи меха, наполнивши котел рыбьим жиром»¹¹.

Подобные строки, бесспорно, не могли возникнуть у автора, не знакомого с пушкинским «Памятником». Однако стихотворение Пушкина, написанное в 1836 году, было опубликовано только в 1841-м. В связи с этим известный польский пушкинист Мариан Топоровский¹² считает, что стихотворение Пушкина проникло за границу в рукописи. Если это так, то мы имеем еще одно подтверждение огромной популярности творчества Пушкина в славянских странах при жизни поэта.

В 1837 году в журнале «Le Globe» появился знаменитый некролог Пушкину, подписанный «Один из друзей Пушкина». Некролог принадлежал Мицкевичу. Содержание его широко известно. Хочется лишь привести одно место, которое с очевидностью доказывает, что обвинение, содержащееся в стихотворении «Русским друзьям», не могло быть направлено против Пушкина. Мицкевич пишет: «Я глубоко убежден, что огромных сумм, которые ассигнует русское министерство на подкуп услужливых защитников за границами государства, не хватило бы на оплату любого из русских литераторов»¹³.

Из всех высказываний Мицкевича о Пушкине наиболее

¹¹ St. Jaszowski. Sonety ku czci uczonych slowian, IV, Puszkini, Slowianin zebрани i wydany przez St. Jaszowskiego, t. I. Lwów. 1837, str. 9.

¹² См. М. Топоровский. Puszkini w Polsce. Warszawa, 1950.

¹³ Dzieła wszystkie Adama Mickiewicza, t. IV. Wydal i objasnil T. Pini. Lwów, str. 219.

восторженные мы находим в некрологе. Это можно объяснить влиянием Гоголя, от которого Мицкевич, возможно, и получил весть о гибели Пушкина. Позднее, в своих лекциях по славянским литературам (1842), Мицкевич дал беглую и менее удачную характеристику Пушкину. Заслуживает здесь внимания разбор «Евгения Онегина», который, по определению Мицкевича, останется вечным памятником эпохи.

Значительный след оставил Пушкин и в творчестве второго великого поэта Польши Юлиуша Словацкого. В поэме «Беневский» Словацкий обнаружил удивительно правильное понимание исторического развития русской литературы. Поэт противопоставил убогой официальной литературе царской России литературу народную, литературу национальных гениев—Пушкина и Лермонтова. В одной из не опубликованных при жизни поэта песен «Беневского» Словацкий писал: «У Пушкина язык прекрасный, полный алмазов, у Сенковского — подлости; нынче, как я слышал, пишет господин Лермонтов, который полжизни гостит на Кавказе. Такое к нему царь питает отвращение, к нему и к лавровой поросли, которая, если не применить нож и ножницы, может вырасти и стать когда-нибудь виселицей»¹⁴.

Характеристика Пушкина, которая содержится в черновых вариантах «Беневского», перекликается с оценкой великого русского поэта в речи Лелевеля, произнесенной в 1834 году в Брюсселе. Словацкий характеризует Пушкина как вдохновителя русского революционного движения. «Пушкин показал когда-то на фонарь и советовал царем осветить Петербург (то есть повесить царя на фонаре. — В. М.). Полагаю, что совет его был очень хозяйственным, ибо царь — сфера звезд... Достаточно разжечь одну, и никогда больше ночь не опустится на народы славянства»¹⁵.

Дикое озлобление польских националистов, которое сочеталось с полнейшим невежеством в области русской культуры и литературы, не могло помешать влиянию Пушкина на культуру и литературу славянских народов. Лучшие представители польской общественности понимали, что царизм и русский народ — это не одно и то же.

Благотворное влияние Пушкина, декабристов, передовой русской мысли привело к значительной демократизации общественно-политических воззрений польских революционных романтиков. Огромную роль, как мы видели, сыграло творчество самого Пушкина, который воспринимался передовыми деятелями польской культуры как символ гуманизма и истинной народности, как живое воплощение дружественного великого славянского народа.

---

¹⁴ Dzieła Juliusza Słowackiego, t. III. Lwów, 1909, str. 197.

¹⁵ Там же, стр. 400.

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961